

Глава 14: Жизнь под присмотром

С деревянным выражением лица Цинь Ле направился по каменной дороге к входу в город.

Он также выглядел мертвенно-бледно и потерявшимся, как и месяц назад, его глаза были лишены какого-либо выражения, и его одежда была запятнана следами грязи. Он выглядел явно утомленным и подавленным.

За ним в разноцветной одежде, которая акцентировала ее округлую фигуру, шла ровным шагом Лин Ин. Ее яркие глаза выражали сомнение.

После того, как Цинь Ле оставил Гору Трав полмесяца назад, Глава семьи Лин отчаянно хотел встретиться с ним. Веря, что Цинь Ле был все еще в туннелях Горы, он разместил людей, чтобы они ждали Цинь Ле возле входа в шахты Горы Трав целыми днями и ночами.

В течение ночи, следил Лин Фэн, и в течение дня – Лин Ин. Двое сменяли друг друга в наблюдении, ожидая его появления, чтобы незамедлительно сообщить об этом Главе семьи.

Из-за этого Ду Хен, которому было крайне любопытно, что находится внутри Горы Трав, постоянно не мог найти возможность, чтобы тщательно обследовать шахты.

Что касается Лин Фэна и Лин Ин, когда Лин Чэнъе приказал им ждать возле входа шахт Горы Трав, он также строго запретил им входить внутрь. Поэтому, даже сейчас, они не знали, какие секреты находятся под защитой.

Этим вечером, Лин Ин, как обычно, наблюдала за входом в шахты, уставшая до такой степени, что ее клонило в сон, внезапно, она увидела как Цинь Ле возвращается со стороны Арктической Горной Цепи.

В это время, Лин Ин была настолько шокирована, что чуть не завопила.

Она последовала за Цинь Ле по дороге, ее мнительные глаза приклеились к качавшемуся телу Цинь Ле, но они до сих пор не могли ничего обнаружить. В результате у нее закралось еще больше сомнений в глубине души.

«Этот дурак фактически был не в шахтах, а в Арктической Горной Цепи на протяжении полумесяца. Для чего? Более того, он ходил туда один, как он выжил?»

Чем больше Лин Ин думала об этом, тем меньше она понимала. Удивление показалось на всем ее очаровательном лице. В первый раз ей стал любопытен Цинь Ле.

Цинь Ле, естественно, знал, что глаза Лин Ин смотрели на него позади, но он не чувствовал

беспокойства в душе. Задолго до того, как он уже был возле Горы Трав, он уже тщательно спрятал две сумки. Он боялся, что если он возьмет с собой слишком много, это принесет ему лишних проблем. Сейчас на его теле не было сумок, он совершенно не боялся, что семья Лин будет расспрашивать его о материалах, которые он принес.

По отношению к людям семьи Лин, можно сказать, что он не испытывал какой-либо привязанности, но также он не чувствовал какой-либо ненависти. С его точки зрения, отношения между семьей Лин и ним и его дедушкой остановились на бизнес-партнерстве.

Его дедушка чинил духовные артефакты для семьи Лин, и взамен, они предоставляли право на использование внутренней области Горы Трав, которая помогала ему в развитии «Уничтожения Небесного Грома». Это не было чем-то большим.

Действуя как обычно, он вошел в город, игнорируя взгляды и критику со стороны окружающих, и направился прямо к своему каменному дому.

Один за другим отмечали: «Дурак вернулся». Однако, Цинь Ле все пропускал мимо ушей, так как давно уже привык к этому, и поэтому, они не влияли на него.

Вскоре он вернулся в свой трехкомнатный каменный дом. Каменный дом явно был вычищен, так как все было слишком чистым, но Цинь Ле не обратил на это внимания. Закрыв дверь, он начал отдыхать.

Его возвращение в город стало причиной необъяснимого замешательства среди многих людей, которые были предельно внимательны к нему, таких как Лин Чэнъе, его брата, и семьи Ду...

Также были люди, которым было абсолютно все равно, например Лин Сюаньсюань. Она до сих пор кричала внутри арены боевых искусств и даже глазом не моргнула по отношению к Цинь Ле...

«Глава семьи», - Лин Ин прекратила следовать за Цинь Ле, ее одежда развевалась, когда она быстро остановилась рядом с Лин Чэнъе. Ее привлекательное, маленькое лицо было полно сомнения, когда она осторожно прошептала, - «Он, он вышел не из шахт, но... но пришел со стороны Арктической Горной Цепи! Он не был в шахтах все это время!»

Как только она прекратила говорить, остальные трое семьи Лин показали шокированное выражение лица. Им стал нескончаемо любопытно, где был Цинь Ле за прошедшие полмесяца.

«Понял, никому об этом ни слова».

Глава семьи Лин подумал немного, и приказал Лин Ин никому не говорить об этом, и показал жестом, что она может идти. Потом, он посмотрел на Лин Чэнчжи выразительным взглядом, и двое брата, вместе с Лин Юйши, встали и направились к каменному дому Цинь Ле.

Трое быстро подошли к двери каменного дома Цинь Ле. Лин Чэнъе постучал в дверь: «Цинь Ле, это дядя Лин, пожалуйста, открой дверь».

Внутри дома, Цинь Ле открыл глаза, слегка нахмурился. После, он быстро поправил свое выражение лица, возобновив обычное пустое выражение, после чего открыл дверь и позволил трем людям войти.

За эти пять лет, было несколько случаев, когда заходил Лин Чэнъе, но это было тогда, когда Цинь Шан все еще был здесь, и обычно для того, чтобы Цинь Шан починил духовные артефакты.

После того, как его дедушка ушел, Лин Чэнъе ни разу не заходил за последние два года. Этот визит стал причиной возрастающего подозрения Цинь Ле. Он не знал, какие намерения у этих троих.

После того, как вошли трое членов семьи Лин, они увидели, как Цинь Ле, сидит на каменном стуле и смотрит пустым взглядом на чашку на каменном столе. Выглядело так, как будто чашка была гораздо интересней, чем эти трое...

Лин Чэнъе внимательно посмотрел на Цинь Ле. Понаблюдав за ним некоторое время, он внезапно сказал: «Цинь Ле, я не знаю, можешь ли ты меня слышать или нет, также я не знаю, всегда ли ты в таком состоянии по-настоящему, но я только хочу сказать... для моей семьи Лин, духовные растения и духовные травы на Горе Трав крайне важны, и эти два года, духовные растения начали увядать в больших количествах. Это также начало сильно влиять на средства семьи Лин».

Наклонившись, Лин Чэнъе глубоко посмотрел в глаза Цинь Ле, но не смог найти каких-либо отклонений. Чувствуя беспомощность, он только смог продолжить, сказав: «Если, если ты слышишь мои слова, и если у тебя есть какие-либо способы, я надеюсь, что увядание духовных растений на Горе Трав прекратиться. Семья Лин... мы не можем позволить себя, такие тяжелые потери, и мы просим тебя быть осторожней в этом отношении».

Цинь Ле молчал, продолжая смотреть на чашку.

«Есть еще одна вещь», - Лин Чэнъе поколебался на мгновение до того, как он, в возрастающей степени беспомощно сказал: «Я обещал твоему дедушке, что я присмотрю за тобой до семнадцати лет, и один из способов - помолвка на одной из моих дочерей. Основываясь на соглашении между мной и твоим дедушкой, обручальная церемония скоро состоится. Я только хочу предупредить тебя о том, что... что она между тобой и Юйши. Я приготовлю все, как можно скорее, церемония будет длиться в течение этого времени.

Цинь Ле оставался с деревянным выражением лица. Лицо Лин Юйши вспыхнуло, выражение сменилось смущением.

«Тем не менее, я скажу тебя сейчас, что эта помолвка только, чтобы защитить тебя, и только на два года. По истечению двух лет, не важно, каким образом, я расторгну помолвку. Я надеюсь, что ты морально подготовишься к этому», - Лин Чэнъе минуту подумал, и после продолжил, добавив, - «Твой дедушка обходился благосклонно с моей семьей Лин. Эти несколько лет, мы работали счастливо вместе, и я надеюсь, что так и продолжится в будущем. Да, не важно какая сейчас ситуация на самом деле, я не буду встревать в твои дела. Для всех достаточно жить счастливо вместе».

Закончив свою речь, Лин Чэнъе встал, дав знак своему младшему брату и дочери уйти вместе с ним.

«Папа, я хочу поговорить с ним наедине. Пожалуйста, иди первым», - мягко сказал Лин Юйши, наклонив голову.

Чувствуя вину к ней, Лин Чэнъе тяжело вздохнул, прежде чем кивнуть и выйти вместе с братом из каменного дома.

Внутри комнаты все успокоилось. Постепенно, атмосфере в комнате становилась слегка странной, так как Цинь Ле до сих пор не выказывал какого-либо выражения лица и не реагировал. Было похоже, как если бы он не знал, что рядом с ним находится красивая молодая девушка.

Лин Юйши прикусила нижнюю губу, и ее щеки вспыхнули красным, после она внезапно встала и сказала: «Ты, наверное, не мылся долгое время, я помогу набрать тебе воду».

Закончив говорить, она изящно встала, закатав рукава на ее стройных руках, и показывая белоснежные запястья. Выгляда слегка смущенной, она вошла в умывальню, чтобы набрать воды.

Только когда деревянный бочонок наполнился водой, и полотенца и другие вещи были убраны, она появилась снова.

Благодаря этим последовательным действиям, она могла привести себя в порядок и медленно успокоиться.

Отпечаток жалости к себе и беспомощности отразился на ее нежном и красивом лице. Смирившись, она сказала: «Моя семья Лин задолжала Дедушке Цинь Шану. За эти два года, я верну долг. Как только мы по-настоящему обручимся, я буду часто приходить и заботиться о тебе. Ах, я только могу убираться и, например, помогать наполнять воду, я надеюсь, ты понимаешь».

Пока она говорила, Лин Юйши взяла тряпку, которая была смочена в воде, и не заботясь о реакции Цинь Ле, начала ловко убираться в комнате.

Хотя глаза Цинь Ле выражали пустоту, разумом он все понимал. Наблюдая за тем, как Лин Юйши хорошо была знакома с домом, он очень быстро понял, что тот человек, который приходил убираться в доме последние полмесяца были ни кто иной, как именно эта нежная и красивая девушка.

«Ах, ты также очень несчастен. После смерти Дедушки Цинь Шана, тебя оставили одного, и с твоей головой не все в порядке...»

«Изначально, мой папа собирался обручить тебя с моей младшей сестрой, которая примерно одного с тобой возраста, но она единственная надежда семьи Лин, и папа боится, что помолвка с тобой помешает ее развитию. Более того, ее будущий брак является большим событием. Поэтому...только я могу заменить ее».

«Ха, хотя я и старшая сестра, у меня действительно нет огромного таланта для развития. Мне уже семнадцать, и я боюсь, что нет способа для того, чтобы прорваться в Область Открытия Рождения до двадцати. Павильон Туманности крайне требователен в выборе основных учеников. Если ты не можешь прорваться в Область Открытия Рождения до двадцати, то ты никогда не получишь их благосклонность в течение всей своей жизни»,

«Мой папа и третий дядя хотели всегда хотели войти в Павильон Туманности, но это не их судьба. Их мечты, которые не могут быть исполнены, были возложены на мою младшую сестру».

«Ах, из-за увядания целебных трав, мы снова обратили на себя внимание семьи Ду. Из-за того что их недавних действий, мы были очень сильно рассержены. Эта женщина, она просто помешана на захвате Горы Трав. На этот раз она агрессивно настроилась, и я не знаю, сможем ли мы остановить ее».

Может потому, что она думала, что она скоро будет помолвлена с Цинь Ле, или может потому, что она думала, что Цинь Ле не понимает того, что она говорит, но она не ставила слишком много преград вокруг своего сердца. Поэтому, пока она работала, она постоянно говорила, что у нее на уме, и непрерывно бормотала про себя. Это позволило Цинь Ле лучше понимать ситуацию в семье Лин.

Это также стало причиной для дальнейшего понимания Лин Юйши, и его отношение к ней немного изменилось...

Закончив, Лин Юйши не стала оставаться дольше. Вскоре она сказала Цинь Ле, что вода готова, и, напомнив, чтобы он принял ванну пораньше, она быстро вышла из дома.

Цинь Ле еще некоторое время вслушивался, и только потом, когда уверился в том, что она ушла, он зашел в ванную.

Увидев огромное количество воды, выливающееся на землю из бочонка, и грудь не так

аккуратно сложенных полотенец, он покачал головой, не в силах сдержать свой смех.

Для него было очевидно, что Лин Юйши должно быть не часто выполняет такие поручения, и в сочетании с ее взволнованностью, все должно было быть именно так.

Почесав свой нос, Цинь Ле равнодушно снял свою одежду и вошел в бочонок. Затем его тело внезапно встрепенулось, став причиной его чуть ли не вопля.

Вода также была холодной!

....

На следующее утро, Цинь Ле с пустыми глазами и насморком, вошел в столовую семьи Лин.

Лин Юйши с нечистой совестью, увидев Цинь Ле с насморком, быстро подавила свое желание посмеяться и понизила голову, не посмев взглянуть ему в глаза.

Из-за случая с духовными растениями, братья Лин и Ду Цзяолань готовы были разорвать друг друга. Плотное, мрачное напряжение витало в воздухе, заставляя чувствовать Цинь Ле, как если бы война между двумя столами могла начаться в любой момент.

Поев, он направился к шахтам Горы Трав, чтобы продолжить свое развитие. Из-за того, что он не находился в состоянии Бездумного Спокойствия, он должен был осторожно контролировать тяжелую грозовую мощь. Иначе, избыток электрического тока уничтожит еще больше духовных растений и духовных трав.

Замечанье Лин Чэнъе сыграло свою роль. Цинь Ле не хотел уничтожать источник семьи Лин, чтобы не привлекать нескончаемые неприятности.

Сейчас Цинь Ле полностью восстановился, Лин Фэн и Лин Ин больше не охраняли вход в шахты. Поэтому, однажды ночью, у Ду Хена появилась возможность проникнуть в шахты.

После немного головокружительной разведки, психика Ду Хена внезапно стала поражена. Как и Лин Чэнчжи он полностью был обескуражен изменениями шахт.

Когда Ду Хен находился внутри шахт, подготавливая сообщения для своей матери по обстоящей ситуации, Лин Чэнъе также делал приготовления. Он приказал Лин Сюаньсюань и Лин Чэнчжи временно уехать, сказав отправиться в Айсстоун Сити.

Так как для него было ясно, что если Лин Сюаньсюань узнает о том, что ее сестра заменила ее в качестве невесты Цинь Ле, она непременно взорвется в ярости, причинив проблемы, и пытаясь разорвать помолвку Цинь Ле и Лин Юйши.

Однако, отсылка Лин Сюаньсюань было одной из причин, почему Лин Чэнъе хотел, чтобы они наведались в Айсстоун Сити. Что более важно, он хотел передать привет Павильону Туманности.

Лин Сюаньсюань была выдающимся талантом, и Павильон Туманности уже заприметил ее. Лин Чэнъе надеялся, что Павильон Туманности увидит ее маленькое личико и увеличит период отсрочки отправки трав и растений для семьи Лин.

....

Последние несколько дней Лин Юйши, как и обещала, постоянно навещала каменный дом Цинь Ле.

В течение дня, пользуясь временем, когда Цинь Ле не было, она брала его одежду и стирала ее. Вечером, когда Цинь Ле возвращался домой, она приносила ему сухую одежду, набирала воду и помогала с уборкой дома.

Такие смущающие ошибки, как наполнение холодной водой для принятия ванны, больше не повторялись. Конечно, она не изменяла своим привычкам, говоря все, что было на ее уме каждый день.

Цинь Ле сначала ощущал себя странно, но после постепенно начал привыкать, медленно осваиваясь с мыслью, что кто-то заботиться о нем.

Как только Лин Юйши набирала воду, он больше не ждал пока она уйдет, и шел прямо в ванную.

Каждый раз, когда он голый садился в бочонок, он подслушивал, как нежно жаловалась Лин Юйши через дверь, разделяющую их. Иногда, он слегка приподнимал брови, а иногда, уголки губ расплывались в странной улыбке.

«Я ухожу, купайся потихоньку», - нежно излучался голос Лин Юйши. Только когда Цинь Ле думал, что она уже уходит, Лин Юйши, которая была возле входной двери, внезапно начала беспорядочно дышать. Тихим голосом, словно комариный звук, она прошептала, - «завтра, завтра будет день, который подготовил мой папа...»

Только, когда она ушла, в течение долгого времени, Цинь Ле, наконец-то, отреагировал. Он сидел в бочонке, безучастно смотря на бруски дома. Он оставался в таком положении еще долгое время, прежде чем он, наконец, пришел в себя.